

К. Д.

ИСКУССТВО ОЧКОВТИРАНИЯ

(ОСНОВЫ И МЕТОДОЛОГИЯ СОВЕТСКОЙ СТАТИСТИКИ)

Издательство Центрального Объединения
Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЭ)

Мюнхен

1960

ВСТУПЛЕНИЕ

В широких массах о статистике существуют весьма неясные представления: «Статистика? Это простыни-таблицы, сплошь усеянные цифрами и процентами. Нудная и малопонятная штука». Даже рядовые работники статистики зачастую в сущности не знают ее, даже сами себя именуют не статистиками, а статистами. Впрочем, на деле они и есть лишь несчастные статисты в той трагикомедии, которая называется строительством коммунизма.

Знают статистику и владеют искусством виртуозно пользоваться ею только верховные жрецы, маги и чародеи, восседающие в центральных статистических органах. Секреты их чародейства широким массам неведомы. Широкие массы получают готовое в виде таблиц, диаграмм или отдельных цифровых данных, якобы конкретно и неопровержимо показывающих гигантские успехи Советского Союза в деле строительства коммунизма, преодоленные трудности позади и величественные перспективы впереди.

Но как относиться к этим данным? Следует ли принимать их безоговорочно, — мол, «против цифры не попрешь», и «факты — упрямая вещь», — или позволительно к этим цифрам отнестись критически? В какой степени можно им доверять?

Отмахиваться от таких вопросов нельзя. Решать их чисто субъективно, руководствуясь только слепой верой или неверием в статистические выкладки, нельзя тоже. Необходимо сознательное отношение к ним. Значит, **нужно в известной мере знакомство с основами и методологией статистики.**

Но в какой же это «известной мере»? Изучить статистику настолько, чтобы понимать все тонкости чародейства жрецов ее? Чувствовать себя в пучинах статистики, как рыба в воде? Не только зазубрить (это было бы нетрудно), но и усвоить всю ее причудливую терминологию, вроде экстраполяции, репрезентативности, элиминирования, индексирования и т. д.? Сколько времени и трудов понадобится на освоение всей этой премудрости?

Нет, предъявлять ко всем и каждому требование погрузиться в такое глубокое изучение статистики, конечно, нельзя. Такое требование было бы абсурдным. Чтобы читать и понимать поэтическое произведение, не обязательно читателю самому быть поэтом, знающим технику стихосложения, правила ритмики, рифмовки и т. д. И чтобы понимать «произведения» статистики, совсем не обязательно самому быть знатоком-статистиком. Достаточно лишь самой элементарной статистической грамотности, которую приобрести совсем нетрудно. Даже внимательное прочтение этой брошюры даст такую грамотность и основы для объективного, обоснованного отношения к советской статистике.

НА СЛУЖБЕ У ПАРТИИ

Термин «статистика» произошел от латинского слова «статус», что означает состояние, положение. Кратко и понятно говоря, **статистика есть такая отрасль науки, которая производит изучение каких либо явлений, группируя соответствующие величины по определенным признакам.**

Так, астроном, изучая небесные светила, группирует их по степени яркости, скученности, удаленности от земли. Астроном, значит, пользуется статистикой. Геолог статистическим путем учитывает соотношение пластов земли, их состав. Ихтиолог квалифицирует рыб в реках, морях и океанах, учитывая их группы и подгруппы с помощью статистики. Библиотекарь сортирует книги по степени их спроса читателями. В общем, «на земле, в небесах и на море» — всюду статистика. **Но в частности и в особенности у нее широчайшее поле деятельности в советской экономике.**

Она, статистика, подготавливает данные для составления планов. Она, статистика, контролирует ход их выполнения.

Только благодаря статистике советские трудящиеся знают, что в Советском Союзе окончательно отстроен социализм и есть все данные для строительства коммунизма. **Если бы не было статистики, советский народ не знал бы, что его жизнь не нищенская и тяжелая, а очень богатая и приятная.**

Статистика дает очередному вождю партии любые цифровые козыри, чтобы удивлять ими весь мир.

Для советской статистики нет ничего невозможного. Она может показать, что пятью пять не двадцать пять, а сорокнацать. Она в состоянии превратить любую муху в слона, и наоборот.

Поэтому ответственна и почетна роль статистики в Советском Союзе. Вполне понятно и то внимание, каким она пользуется со стороны вождей партии.

Еще Маркс и Энгельс обратили на статистику свое особое внимание, поняв, какие с ней можно производить махинации. Откройте «Капитал» Маркса, найдите главу «Всеобщий закон капиталистического накопления», а в ней последний параграф — «Иллюстрации

всеобщего закона капиталистического накопления». Взгляните, как Маркс бесцеремонно орудует со статистическими данными (добытыми чужими руками), как перемещивает и группирует их так, **чтобы для простаков было малопонятно, но зато имело видимость авторитетной научности.**

Лишь в далеком дальнейшем сведущие люди сумели вразумить легковверных поклонников Маркса, показав им несостоятельность его статистических хитросплетений, причем не только в «Капитале», но и во всех иных его трудах, где он пользуется статистикой.

То же самое следует сказать и о произведениях Энгельса, в частности о его работе «Положение рабочего класса в Англии». Здесь он в недобросовестных манипуляциях с цифрами не уступает Марксу. **Теперь эти два основоположника марксизма разоблачены окончательно.**

Продолжая и углубляя марксизм, Ленин, конечно, не преминул обратить свое особое внимание на статистику. Он не только широко пользовался ею в своих работах, но и сформулировал по-своему целый ряд основных положений для статистики, определил ее значение и задачи в условиях «строительства социализма». Особое внимание следует обратить на следующие высказывания Ленина, имеющие принципиальный характер.

Первое: **статистика должна быть наукой партийной и служить делу построения коммунистического общества.**

И второе: **сбирать и обрабатывать цифровые данные статистика должна не для того, чтобы затем по этим материалам приходиться к тем или иным выводам, а для того, чтобы этими материалами доказывать, иллюстрировать, как говорит Ленин, уже готовые выводы, готовые положения марксизма-ленинизма.**

О всем этом Ленин говорит в своем труде «Развитие капитализма в России», и в работе «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии», и даже в такой, казалось бы не имеющей отношения к статистике, своей книге, как «Материализм и эмпириокритицизм».

В общем, по мысли Ленина, **статистика не должна быть беспристрастной в сборе данных и обработке их, не должна быть объективной, независимой от политической конъюнктуры. Нет, она обязана делать все по заданию коммунистической партии и в интересах партии. Она должна суметь найти и так обработать материалы, чтобы видна была «победная мощь теории и практики коммунизма».**

В связи с такими заданиями, предъявленными к статистике, был создан и соответствующий аппарат. 25 июля 1918 года было опубликовано за подписью Ленина положение о государственной статистике, и в соответствии с этим положением образовано Центральное Статистическое Управление (ЦСУ), здравствующее и преуспевающее и поныне.

ВОЖДИ И СТАТИСТИКА

Ленин не успел использовать как следует свое детище — ЦСУ. Этот пробел с лихвой заполнил Сталин. Кнутом диктатуры, уснащенной статистическими данными, проводил он сплошную коллективизацию. Статистикой было услужливо исчислено, какие якобы преимущества имеет колхоз перед единоличным хозяйством. Цифрами подкрепила статистика и решение партии о необходимости «ликвидации кулачества как класса».

Статистика поспешно бросилась на помощь Сталину, когда он решил наказать Украину голодом за сопротивление коллективизации. Статистические данные были таковы, что Украине, ободранной как липка непосильным продналогом, голод несколько не угрожает и хлебом она обеспечена. А во время и после кошмарного голода статистика делала вид, что ничего не замечает, и никак, ни в каких своих таблицах и разработках она ужасов голода, его причин и последствий не показала. **Для этого не нашлось даже простейших цифр.**

Но нашлась масса цифр, масса методов и т. д., когда Сталин взялся за «пятилетки». В качестве фундамента для составления планов, экстренно подавались любые данные по сельскому хозяйству, промышленности, торговле. Как добываются такие данные и какова им цена, мы поговорим в дальнейшем.

Пять пятилеток успел провернуть Сталин. Каждая из них приносила трудящимся улучшение жизни, по меткому народному выражению, с гулькин нос. Но статистика приводила цифры, показывающие, что этот нос имеет колоссальные размеры, что он растет не по дням, а по часам, и уже поднял всю страну в рай изобилия.

Оперируя этими данными, Сталин в тяжкие для страны годы нужды и бедности все же самодовольно заявлял: **«Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселей!»**. Впрочем, трудящиеся готовы были бы искренне согласиться с этими словами Сталина, если бы он не скромничал и закончил фразу, указав, кому именно жить стало лучше и веселей...

Маленков после смерти Сталина, хотя и не совсем открыто и ясно,

но все же дал понять, что «отец народов», похваляясь успехами пятилеток, сильно присвистывал, и что только вот теперь он, Маленков, выведет страну на светлый путь всеобщего довольства и изобилия. При этом он, конечно, не обошелся без ссылок на статистические данные.

Хрущев, свалив Маленкова, разделал под орех и его и Сталина: оба жульничали с цифрами, оба отъявленные очковтиратели. Вот что, например, выделял Сталин. Он заявлял, что в СССР в 1938 году имелось крупного рогатого скота 63,2 миллиона голов, хотя на самом деле было лишь 50,9 миллионов. Овец и коз очковтиратель насчитал 102,5 милл., вместо фактических 66,6 милл. Свински поступил Сталин и со свиньями — преувеличил количество их почти на пять миллионов (насчитал 30,6 милл., вместо 25,7 милл. в действительности). **Подобные же преувеличения допускал Сталин и в других областях хозяйственной жизни страны.** По следам Сталина пошел и Маленков. Особенно ярко выявилось его мошенничество с цифрами по хлебу. В 1953 году он всенародно заявил, что урожай хлебов в СССР достиг долгожданных восьми миллиардов пудов. Зерновая проблема, стало быть, разрешена полностью и окончательно.

Это мошенничество постарался разоблачить Хрущев. В 1959 году на июньском пленуме ЦК КПСС он разъяснил, что его соперник Маленков врал, как сивый мерин: в 1953 году урожай был не 8 миллиардов пудов, а только 5,2 миллиарда, — преувеличение больше чем на 50 процентов.

Попутно Хрущев открыл истинное положение с урожайностью. Оказывается, **все пореволюционные годы она была весьма невысокой, и во всяком случае не превышала довоенного уровня.**

Почему Хрущев так рьяно принялся за эти разоблачения? Из-за любви к точности и честности? Конечно, нет. Причины иные. **Хрущев хочет доказать, что он получил бедное наследство, а не богатое.** На Маленкова Хрущев вознегодовал в особенности за то, что тот еще в 1953 году похвалился тем, чего Хрущев не может добиться и по сей час. На том же июньском пленуме ЦК партии Хрущев своей деятельностью по решению зерновой проблемы смог похвалиться весьма двусмысленно. Он сказал: «В основном мы решили зерновую проблему, но решили относительно», то есть, как выяснилось в дальнейшем, это значит, что хлеба в стране нехватает.

ЧЬЯ ВИНА?

Внимая разоблачениям Хрущева, нельзя не обратить внимания на следующее обстоятельство: он обрушивался на очковтирателей, в лице Сталина и Маленкова, с цифрами в руках, полученными от статистики. Но, ведь, очковтирателям давала цифры та же статистика. Не она ли виновата?

Нет, Хрущев статистике никаких обвинений не предъявляет. Почему? Да потому, что, как истый ленинец, он знает, что статистика в подобных случаях является лишь исполнительницей заветов Ильича, исполнительницей своего прямого долга. Были Сталин и Маленков главными партиями — она снабжала их теми цифрами, какие им требовались для иллюстрации их «достижений». Стал главою партии Хрущев — статистика и ему подносит любые цифры для посрамления его конкурентов живых и мертвых и для возвеличивания самого себя.

Дискредитировать статистику в глазах широких масс Хрущеву нет никакого расчета. Он прекрасно смекает, как статистика может послужить ему и как ее надо использовать. С нею он не только критикует своих внутренних и внешних противников, но и строит семилетний и пятнадцатилетний планы, щеголяет перед всем миром ходом их выполнения, доказывает превосходство коммунистической системы хозяйствования над любыми иными системами.

Можно ли все эти фикции выдавать за действительность без содействия статистики, без заманчивых фейерверков цифр и процентов? Нельзя. И в общем, как ни рассуждай, а статистику вождям партии приходится любить и холить. Она сама в долгу не останется.

Обратите, например, внимание, какие великолепные цифры даны статистикой об итогах строительства коммунизма за 1959 год. Некоторые, наиболее эффектные, цифры еще до окончания года, а все вообще итоги уже в январе 1960 года, были преподнесены статистикой для всеобщего сведения и восторга. Взглянем хотя бы на такие данные:

Выпуск промышленной продукции за 1959 год оказался на 11 процентов выше прошлого года, вместо 7,7 процента по плану. В общем,

промышленность дала сверхплановой продукции почти на 50 миллиардов рублей. Животного масла произведено на душу населения больше даже, чем в США. Та же блестящая картина и по молоку. Ну, и т. д. и т. п. Словом, «все хорошо, прекрасная маркиза»...

Не совсем только ясно «маркизе», как это статистика умудрилась выполнить невыполнимое — подвести все итоги в таком сверх-экстренном порядке? Ведь, даже ревизионный учет в каком либо мизерном магазине длится днями, недели нужны для учета хозяйственного состояния колхоза, месяцы требуются для составления балансов по крупным предприятиям. **Как же с такой сказочной быстротой появились итоги по всем сельскохозяйственным, промышленным, торговым, кустарным и т. д. предприятиям необъятной страны?**

И второе чудо:

Если масла и молока в стране вырабатывается на душу населения даже больше, чем в США, **если все товары, нужные населению производятся в таких обильных количествах, как указывается в статистических итогах, то почему в магазинах полки пустоваты?** Почему далеко не везде и не всегда можно достать молока для детей? Готовой одежды в широком ассортименте? Мебели? Домашней утвари? Все советские газеты пестрят такими «сигналами с мест». В чем дело?

Или выражение «на душу населения» надо понимать в буквальном смысле слова: поскольку душа бесплотна, постольку она должна удовлетворяться бесплотными статистическими цифрами, а что приходится на долю физического тела — это уже особая статья?

Разобраться в этих чудесах можно лишь имея представление об основах и методологии советской статистики, о методах ее исчислений. Об этом сейчас и будем говорить.

ОСНОВЫ ОЧКОВТИРАТЕЛЬСТВА

Основой основ советской статистики является прежде всего и важнейшее всего то, что она, как мы уже выяснили, есть **отрасль науки сугубо партийная, отдающая себя всю на потребу коммунистической партии**. Партийный билет ей вручил сам Ленин.

Вторая основа — исторический и диалектический материализм. В соответствии с этим, статистика должна быть гибкой, эластичной: растягивать цифры, как резину, и сжимать, как губку. **Диалектический материализм ценен и славен тем, что обладает способностью отрицать сегодня то, что еще вчера было истиной, чернить белое и обелять черное, обосновывать и восхвалять любые зигзаги так называемой генеральной линии партии**. Все сие статистика должна взять себе за основу.

Третья, самая решающая, основа — **желание, приказ очередного вождя партии**, будь это Сталин, Маленков, Хрущев, или кто-либо иной в дальнейшем.

Эти три основы определяют собой глубочайшее принципиальное отличие советской статистики от статистики «вообще». С точки зрения коммунистической идеологии и практики, статистика «вообще», не имеющая партбилета, даже не может называться статистикой. За то, что она подбирает и обрабатывает материалы беспристрастно, чисто математически, не считаясь с тем, какими выйдут итоги, ее следует признать лженаукой, пропитанной формализмом, идеализмом и прочими самыми отрицательными качествами. Подробно об этом говорится в любом учебнике советской статистики.

Чтобы что-то подсчитывать, группировать, анализировать, надо иметь соответствующие материалы, иметь цифровые данные. Они добываются различными способами: получением с мест отчетности по установленным формам и в установленные сроки, производством переписей сплошных и выборочных, сбором анкет, составлением монографий.

Статистическая отчетность в Советском Союзе имеется различнойших видов и форм: специализированная, типовая, почтовая, теле-

графная, ежедневная, пятидневная, декадная, месячная, квартальная, годовая. **Нигде в мире нет такого обилия требуемых статистикой материалов с мест.**

Однако, материалы эти хотя и обильны, но толку от них маловато. Во-первых, составляются они на местах обычно неумело, небрежно, неправильно. Заполняются так, чтобы лишь только «отбояриться».

Во-вторых, статистическая отчетность с мест поступает обычно неаккуратно, с большими опозданиями против сроков.

В-третьих, сведение воедино статистических отчетов, особенно при их недоброкачественности и запозданиях, обработка, анализ и т. д. требуют массу времени.

А, ведь, «дорога ложка к обеду»: Хрущеву и подобным ему требуется материал для выступления сейчас, сию минуту. Плановым органам тоже такие материалы ожидать некогда. Они обязаны составлять планы заблаговременно. Статистика, значит, должна подать итоги тоже заблаговременно — итоги по тому, чего, в сущности, еще нет. Если же ожидать ее фактических итогов, то и планы составлять будет некогда.

В-четвертых, хотя статистическая отчетность и обильна, но всего обилия форм и специфики хозяйственной деятельности страны она охватить не в состоянии.

Какой, например, отчетностью учитывать изменение бюджета семей рабочих, колхозников, служащих? Неужели каждую семью обязать представлением такой отчетности?

Как охватить отчетностью колебания цен на колхозных рынках, удой необобществленных коров, урожайность на индивидуальных огородах, уловы рыболовов-любителей, степень носкости тех или иных видов обуви и одежды и т. д. и т. п.?

В общем, **статистика ограничиваться только обычной отчетностью с мест по установленным формам и срокам не может.** Приходится собирать материалы и иными способами. Основной из них — переписи: сплошные (как, например, переписи населения) и выборочные. Последние являются для статистики даже ценнее во много раз, чем обычная отчетность с мест. Ценнее во многих отношениях.

Само слово «выборочный» говорит за себя: **при выборочном наблюдении производится учет не всего изучаемого объекта в целом, а лишь той или иной части его.** Например, при исследовании бюджета рабочих семей берутся на учет не все они по всей стране, а лишь какая-то часть их там и тут навыворку. По этой части потом производится суждение и о целом, то есть о всех рабочих семьях в стране.

Так же выборочным путем исследуются изменения цен на колхозном рынке, удойность необобществленных коров, носкость обуви и одежды и т. д., а затем на основе этих выборок делаются обобщения.

Выборочным путем сплошь и рядом добывается и то, что должна бы давать отчетность с мест. Вот, к концу года вождям и Госплану уже требуются полные итоги об урожае за истекающий год. Ждать, пока поступит с мест статистическая отчетность, да будет обработана, да будет суммирована, они не могут. Когда дождешься? К новому урожаю?

Но статистика знает, кому, что и когда требуется. Еще задолго до конца уборки всего урожая, по стране производятся в разных районах пробные обмолоты. Действует, значит, выборочный метод. И в результате: еще масса хлебов стоит в полях, а часть так там и зазимует, но вожди оглашают, и газеты публикуют — нынче урожай по стране такой-то. План перевыполнен на столько-то. Даются «точные» цифры и проценты, и лишь не объясняется, как они получены.

Подобная же история, но с разными вариациями, происходит с учетом выполнения планов и по всем иным отраслям хозяйства. И вот в чем секрет, например, того, что итоги выполнения государственного плана по СССР за 1959 год были целиком и полностью обнародованы уже в январе 1960 года (готовы же они были «за кулисами» уже давным-давно...).

Из вышесказанного видно, какие ценность и значение имеет выборочный метод в советских условиях. Главное его достоинство — простота и быстрота получения нужных результатов.

Метод хорош в советских условиях еще тем, что дает возможность получать самые эффективные результаты. Ведь, **выборку-то можно производить по-разному.** Нужно, к примеру, исследовать удойность необобществленных коров с целью установления нормы сдачи молока от них государству, а также с целью показать, что Советский Союз по молоку обогнал США (количество молока от обобществленных коров, предположим, уже известно точно).

Так как же производить выборку из общего числа необобществленных коров? Какую часть взять, и каких именно коров? По какому признаку делать отбор? По цвету шерсти? По величине рогов? Или, не мудрствуя лукаво, просто по жребию?

Есть поговорка: «Цель оправдывает средства». Советская статистика, неукоснительно следуя этой поговорке и блюдя интересы партии, отберет, конечно, таких коров, чтобы на основе их высокой удойности можно было затем установить и высокие нормы молокодачи, и обилие молока в Советском Союзе («Уже догнали и перегнали США!»)

Но если статистике требуется, предположим, показать снижение цен на колхозном рынке, то она и выборку сумеет произвести так, чтобы было видно снижение, хотя бы в действительности и не существующее.

Так выборочный метод применяется во всех сферах деятельности

страны. Так искусно подбираемые части определяют, или, как выражается статистика, репрезентируют целое, и репрезентация эта может быть весьма различной.

Несмотря на свою кажущуюся универсальность, выборочный метод добывания материалов все же не дает всего, что нужно статистике. Нередко применяет она еще и анкетный сбор материалов (в увязке с выборочным методом, то-есть вручая анкеты для заполнения специально для этого отобранным лицам), и составление монографий — исследовательских описаний различных объектов (отдельных колхозов, заводов, торговых предприятий и т. д.). Словом, делается все возможное и невозможное применительно к обстановке и требованиям партии.

СПОСОБЫ ОБРАБОТКИ

Поступившие в распоряжение органов статистики материалы — отчеты с мест, данные сплошных и выборочных наблюдений, анкеты, монографии — требуют обработки. Прежде всего, их нужно проверить, придать им доброкачественный вид, заполнить в них пробелы, исправить дефекты. Для этого (и для дальнейшей разработки) существует ряд приемов. Познакомимся с основными из них.

Вот, в сводке одного из колхозов указано, как полагается, число тракторов и дней их работы, но какая площадь земли вспахана — в графе пропуск (по небрежности?). Что делать? Запрашивать этот колхоз дополнительно, задерживать из-за этого составление полной сводки по всем колхозам?

Нет, можно поступить по-иному: применить экстраполяцию. Это значит — применительно к данным других колхозов, поставить цифру вспаханной земли в сводке, где пропущено это. **Поставленная цифра может не соответствовать действительности? Ничего. Зато найдена она быстро и «научно» — экстраполяцией.**

Еще пример. Товарооборот сельпо составил за месяц 100.000 рублей. Какова будет стоимость так называемой естественной убыли товаров за это же время (усушка, утреска, распыл и т. п.)? Установим и это экстраполяцией, то-есть по опыту торговли других магазинов (да и того же магазина за прошлые времена). **Уже из этих примитивных примеров видно, какая удобная вещь экстраполяция и какие шикарные возможности дает она статистике.**

Подобными же свойствами, а именно: на основе имеющихся данных подыскивать недостающие и сооружать совершенно новые, или, наоборот, изолировать, не принимать в расчет некоторые данные (элиминировать их), обладают также методы корреляции и интерполяции. Они — **родные сестры экстраполяции.**

При сложных статистических разработках, особенно же, когда нужно придать им характер сугубой научности и авторитетности, методы эти (экстраполяции и др.) тоже приобретают сложность. Приме-

няя, например, корреляцию для выяснения взаимозависимости между переработкой сырья и размером основных производственных средств на заводе, приходится производить такие математические исчисления, какие рядовым статистикам не под силу.

Не приходится поэтому удивляться тому, что всем этим методам работники статистики предпочитают свой метод, разработанный советскими усилиями статистических и плановых органов. Это — **метод потолка**. Он неизмеримо проще и легче корреляции-интерполяции, результаты же дает блестящие, и во всяком случае не худшие, чем дают методы, требующие математической сложности. Метод потолка статистикам и плановикам дается легко, не требует от них специальной научной подготовки.

В чем же заключается этот метод? Да в том, что все недостающие, нужные цифры берутся выборочным путем с потолка. Подняв глаза вверх, можно там найти любую цифру по своей потребности.

С этим методом можно легко составить любой план, дать любые статистические сведения. Возможности буквально неограниченные. Опытный статистик, хорошо владеющий методом потолка, в состоянии без особого напряжения своих сил и со сказочной быстротой исчислить количество сельдей во всех морях и океанах, жилищную площадь во всей стране к концу первой фазы коммунизма, урожай кукурузы в 1999 году, площадь целины на Марсе. Уличить такого статистика в фальши так же трудно, как того пастушка, который ответил царю, что звезд на небе 989.674.352, и если этой цифре нет доверия, то неверящие могут пересчитать звезды сами и убедиться в правильности ответа.

Попутно нелишне рассказать такой случай. Недавно в одном из крупных советских городов, в здании планово-статистического органа, случился пожар. Все сотрудники принялись за ликвидацию его с отчаянным криком: «Спасайте потолок! Не давайте сгореть ему!». Бумаги все сгорели, но потолок отстояли. Посторонние люди недоумевали: «Отчего такая забота о потолке?». Плановики и статистики разъяснили: «Если бы сгорел потолок — откуда бы тогда брать цифры!?».

Честь и слава методу потолка и его ревностным поборникам. Великие заслуги имеют они в деле строительства коммунизма и показа его грандиозных достижений.

ГИБКОСТЬ ПРОЦЕНТОВ

В статистике употребляются величины абсолютные и относительные. Абсолютными величинами будут, например, данные о выпуске металла (в тоннах), о надоях молока (в литрах или килограммах), о зарплате рабочих (в рублях), о посевной площади колхоза (в гектарах) и т. п. Это — учет в натуральном выражении.

Для статистики абсолютные величины имеют значение лишь как первичный материал. Они, эти величины, сами по себе еще не свидетельствуют о том, велики они или малы, восхищаться ими или огорчаться.

Колхоз собрал картофеля 10 тысяч тонн — много это или мало? Завод выпустил 20 тысяч разных инструментов — высокая это производительность или низкая? В районе продано за месяц мануфактуры на 15 тысяч рублей — достаточно ли удовлетворено население или нет?

На все такие вопросы указанные абсолютные величины ответа не дают. Требуются еще иные величины для сравнения, **требуются еще величины относительные**, которые выразили бы количественные соотношения абсолютных величин в результате сравнения их с планом, с уровнем предыдущего периода, с другой однородной величиной (с другим заводом, колхозом, заграничным предприятием такого же типа и т. д.).

Относительные величины (показатели сравнений) чаще всего выражаются в процентах. План выполнен заводом на 150%. Мануфактуры продано населению на 30% больше, чем в прошлом месяце, но потребность населения удовлетворена лишь на 20%. Токарь Петров заработал больше слесаря Иванова на 15%.

Проценты как бы расшифровывают невразумительные абсолютные величины. В любой газете, в журнале, в докладе, даже в повседневном домашнем быту фигурируют проценты. **К ним привыкли до того, что обычно и не вдумываются в их сущность, не подозревают, какие интересные свойства имеют эти проценты.** Приведем несколько примеров, показывающих эти свойства.

1) Завод А. выпускает продукции на 25% больше, чем завод Б. А на сколько процентов завод Б. выпускает меньше, чем завод А.?

Тот, кто скажет, что меньше, значит, на те же 25%, сделает ошибку. Убедимся в этом на таком примере:

Продукция завода А. — 1.000 станков, а завода Б. — 800 станков. Разница 200 станков. Но как обстоит дело в процентах?

Продукция А. по отношению к продукции Б. составляет

$$(1000 \times 100) : 800 = 125\%, \text{ то-есть А. больше Б. на } 25\%.$$

А продукция Б. по отношению к А. составляет

$$(800 \times 100) : 1000 = 80\%, \text{ то-есть Б. меньше А. на } 20\%.$$

Так одна и та же разница в 200 станков может быть разницей в 25 и 20 процентов.

2) Рабочим снизили расценки на 20%. «Высшее начальство», выслушав обиду рабочих, отдало приказ повысить их новые расценки на 22%. «Облагодетельствованы» ли рабочие? Посмотрим на примере:

Расценка до снижения была 10 рублей за деталь. После снижения на 20% (на 2 рубля), стали платить 8 рублей. По распоряжению начальства, эта расценка повышается на 22%. Сколько это будет в сумме?

$$(8 \text{ руб.} \times 22) : 100 = 1 \text{ руб. } 76 \text{ коп.}$$

Значит, вся расценка после повышения на 22% составит

8 руб. плюс 1 руб. 76 коп. = 9 руб. 76 коп., вместо 10 руб. до снижения.

3) Завод стал выпускать инструментов больше на 40%, но зато вес их стал меньше на 40%. Изменился ли общий вес инструментов?

Сказавший «нет» ошибется. Допустим, что:

Выпускалось 2000 инструментов по 1000 граммов. Общий вес, стало быть, 2000 килограммов. Затем инструментов стало выпускаться на 40% больше, то есть не 2000, а 2800, но уже не по 1000 граммов, а на 40% легче, то есть по 600 граммов. Значит новый общий вес деталей = 2800 инструментов \times 600 граммов = 1680 килограммов.

4) Производится повышение зарплаты по предприятию. Фабком сообщает радостную весть: низкооплачиваемым категориям рабочих зарплата повышается на 20%, а высокооплачиваемым специалистам лишь на 5%. Вот какова забота партии и правительства о «маленьком человеке».

Взглянем на примере, что может получиться:

Курьерша Иванова получала в месяц 300 рублей. Теперь ей прибавляют 20%, то есть 60 рублей.

Специалист Петров получал в месяц 2.000 рублей. Ему прибавляют «только» 5%, то есть 100 рублей.

Как красиво можно порадовать «маленьких людей» процентами!

5) На заводе, благодаря новым машинам, производительность труда возросла на 100%, но расценку рабочим снизили только на 60%.

Насколько возрасли заработки рабочих? Выясним это опять на примере:

Допустим, до установки новых машин рабочий за час производил 100 деталей и получал за них по 10 копеек. Зарабатывал, значит, в час 10 рублей.

При наличии же новых машин, он производит в час деталей на 100% больше, то есть не 100, а 200 штук. Но получает за каждую не по 10 копеек, а по 4 коп. (на 60% меньше). Всего, стало быть, стал зарабатывать в час 8 руб. (200 дет. по 4 коп.).

6) В США энная отрасль промышленности за 1959 год дала темп прироста лишь в 5%, в то время, как в СССР такая же отрасль показала темп прироста в 20%, то есть в четыре раза выше. Вот так темпы! Это ли не предмет гордости и восхищения?

Но как может обстоять дело по существу? А так, что в США население этой продукцией удовлетворено, предположим, до отказа, и вырабатывалось ее миллион единиц. Прибавка за год в 5%, то есть в 50.000 единиц, даже не в меру высока, если учитывать потребности населения. Достаточен был бы темп роста даже в 1% — 2%.

В то же время той же продукции в СССР вырабатывалось, допустим, лишь 10.000 единиц, и население ощущало в этой продукции острейший недостаток. Прибавка же за год в 20% дает еще 2.000 единиц — совершенно незначительное увеличение для населения.

В общем, **высокие темпы роста еще не могут быть предметом похвалы**. К тому же, как видно на нашем примере, малый темп роста может оказаться выше большего, если проценты роста выразить в величинах абсолютных (5% в США = 50.000 единиц, а 20% в СССР = 2.000 единиц).

Полагаем, что приведенных примеров уже достаточно, чтобы иметь представление о том, как может статистика «играть» процентами. Примеры были простейшие, но в советской экономике имеются взаимоотношения различных абсолютных величин весьма большой сложности, и статистические манипуляции с переложением их на язык процентов производятся столь хитро, столь умело, что специалисту разобраться в этих хитростях очень трудно. Это мы должны иметь в виду всегда, и, **встречая проценты в материалах коммунистической пропаганды, относиться к этим процентам осторожно.**

СРЕДНИЕ ВЕЛИЧИНЫ И МАНИПУЛЯЦИИ С НИМИ

Наряду с процентами, в статистике очень употребительны так называемые средние величины. По способам их исчисления, они бывают арифметические, гармонические, простые, взвешенные, средние из средних и т. д. Разбирать каждую разновидность в отдельности нет надобности. Все они, в конце концов, выражают одно и то же — среднюю величину. Способ же ее исчисления применяется всякий раз такой, какой находит нужным статистика.

Средними величинами называются показатели, выражающие типичные размеры и количественные соотношения абсолютных величин. Впрочем, эту замысловатую формулировку лучше уяснить на простом примере.

Вот, посевная площадь — 100 гектаров, и урожай с них составляет 1.000 центнеров. Средняя урожайность с гектара, значит, равняется $1.000 : 100 = 10$ центнеров.

Второй пример. Пять рабочих и служащих заработали вместе 2.000 рублей. В среднем, стало быть, выходит $2.000 : 5$, то есть 400 рублей на человека. Это — нахождение простой средней арифметической величины. Возьмем пример несколько сложнее:

Данные по цехам завода А.

Цехи	Кварт. план в милл. руб.	% вып. плана
№ 1	2,5	130
№ 2	6,2	80
№ 3	1,3	120
Итого	10	

Каков процент выполнения плана в среднем по всем трем цехам? Можно ли его найти способом исчисления простой средней арифметической величины, то есть так:

$$(110\% + 80\% + 120\%) : 3 \text{ цеха} = 110\%?$$

Само собой разумеется, что это будет неправильно, так как цехи разнятся между собой не только процентами выполнения планов, но и абсолютной величиной своих планов (в рублях).

Чтобы исчислить в нашем примере средний процент выполнения плана, надо прежде всего знать общий план в рублях (он есть — 10 милл. руб.) и общее выполнение плана в рублях. Последнее надо исчислить. Сделать это можно так:

Фактическая выработка в рублях по цехам в отдельности:

$$\text{№ 1} = (2,5 \times 130) : 100 = 3,25 \text{ милл. руб.}$$

$$\text{№ 2} = (6,2 \times 80) : 100 = 4,96 \text{ милл. руб.}$$

$$\text{№ 3} = (1,3 \times 120) : 100 = 1,56 \text{ милл. руб.}$$

Все факт. выполнение по 3 цехам = 9,77 милл. руб. Значит, выполнение плана в среднем

$$(9,77 \times 100) : 10 = 97,7\%$$

Это — нахождение средней взвешенной (арифметической). Взвешивался, учитывался удельный вес каждого цеха в отдельности. Вполне понятно, что **исчисление средних можно производить разными математическими способами**, хотя с одинаковыми результатами. В нашем примере можно было бы сделать и так:

$$[(2,5 \times 1,3 + 6,2 \times 0,8 + 1,3 \times 1,2) \times 100] : 10 = 97,7\%$$

В общем, техника исчисления любых средних величин не так уж сложна, и останавливаться на ней нет смысла. Для нас важнее иное. Важно, например, отметить, как важнейшую особенность средних величин, то, что в **средних величинах пропадают, погашаются индивидуальные различия величин**.

Вот, в первом примере мы исчислили среднюю урожайность в 10 центнеров с гектара. Но вполне возможно, что на некоторых гектарах был урожай в 20-30 центнеров, а на других лишь 5-6, а то и того ниже. Исчисленный нами средний урожай в 10 центнеров, может быть, совсем не типичен, и даже ни на одном гектаре не встречался.

То же и во втором примере. Возможно, что зарплата каждого рабочего и служащего отличается от исчисленной средней даже очень сильно. В общем, средняя — это абстракция. Она, как мы уже заметили, поглощает индивидуальные различия, исключает дифференцированный подход к ним, не выявляет типичное.

Здесь уместно упомянуть об относительной величине, иногда заменяющей среднюю — о моде. Она служит для выражения типичного признака, имеющего наибольшую частоту в исследуемом явлении. Поясним это попроще:

На колхозном рынке зарегистрированы такие цены за 1 клгр. капусты: 80 коп., 82 коп., 80 коп., 1 руб. 40 коп.

Если мы исчислим цену в среднем обычным путем, то это составит

$$(80 + 82 + 80 + 140) : 4 = 95,5 \text{ коп.}$$

Это — совсем не типичная цена на капусту на колхозном рынке. Типична цена — 80 коп. Вот это и есть модальная величина, это и есть мода. Она, как видите, лучше выражает типичность явления, чем средняя, но пользоваться ею можно лишь в редких случаях (например, при исследовании цен на колхозном рынке, ходовых размеров одежды, распространенности того или иного вида скота и т. п.). Обходиться во всех случаях только модой, вместо средних величин, никак нельзя.

Советская статистика вообще избегает употребления модальных величин. Для нее средние величины представляют больший интерес уже потому, что с ними легче проделывать различные темные махинации. К примеру, даже самые низкие показатели можно смешать с высокими, и в среднем получится неплохая величина.

Это выгодное свойство средних величин не прозевал подметить и использовать в своих работах уже Маркс. Основной грех этих величин — поглощение низких или высоких крайностей — он оправдывает так: «В каждой отрасли промышленности индивидуальный рабочий, Петр или Павел, более или менее отклоняется от среднего рабочего. Такие индивидуальные отклонения, называемые на языке математиков «погрешностями», взаимно погашаются и уничтожаются, раз мы берем значительное число рабочих» (К. Маркс. Капитал, т. I, 1950 г., стр. 329). Маркс, значит, против «погрешностей», поглощающих индивидуальные различия, возражений не имеет.

Ленин, наоборот, против средних высказывался резко-отрицательно. Критикуя статистическую разработку переписи кустарной промышленности Пермской губернии, он писал так: «Соединение крупных и мелких заведений вместе дает совершенно фиктивные «средние» цифры, не дающие никакого понятия о действительности, затушевывающие кардинальные различия, изображающие однородным нечто совершенно разнородное, разносоставное» (Ленин, т. 2, стр. 382).

Расхождения между Марксом и Лениным в оценке средних величин только кажущиеся. Маркс за них, когда сам жонглирует ими, но яростно возражает против средних в руках противников. И Ленин очень убедительно доказывает несостоятельность средних, когда они в чужих руках, но сам оперирует ими очень охотно.

Стараясь оправдаться от обвинений в том, что он пользуется тем самым, что бракует у других, Ленин пускается на хитрости. Он говорит, что у него иные приемы исчисления средних, чем у «буржуазных экономистов»: он, мол, для выведения средней величины производит расчленение всей совокупности изучаемых величин на ряд самостоятельных совокупностей, то есть производит соответствующую группировку величин. Группирует, например, крупноземельные хозяйства отдельно, а малоземельные отдельно. Так же и в отношении крупных, средних и мелких мастерских, фабрик, заводов и т. д.

Слова словно бы и убедительные. При таких группировках среднее

должно получаться действительно репрезентативнее, то есть характернее, типичнее для группы. **Но не надо забывать, что группировки можно производить по-разному, что при них (как и при пользовании выборочным методом) можно совершать самые шулерские растасовки.**

За примерами ходить недалеко. В той же работе «Развитие капитализма в России» или в статье «Поправляется или беднеет крестьянство?», Ленин произвольно, по своему вкусу, группирует различные данные (крестьянские хозяйства, промышленные предприятия) так, чтобы во что бы то ни стало доказать «правильность» своих марксистских положений.

Опыт Маркса и Ленина советская статистика усвоила и приумножила. Термином «в среднем» в Советском Союзе оперируют, пожалуй, не меньше, чем процентами: «По маслу и молоку в среднем на душу населения перегнали США... Ежегодно жилая площадь возрастает в среднем на столько-то миллионов квадратных метров... За сутки в среднем добывается нефти... В среднем мануфактуры производится... В среднем... В среднем...»

При исчислении средних производятся, конечно, всевозможные группировки, растасовки и т. п., причем такие, что сам Ленин позаиводовал бы.

Исчисление средних безукоризненное по форме, может быть абсурдным по существу. Пример:

В помещении находятся два живых существа (группировка по признаку одушевленности). Общий вес их — 500 клгр. Каков средний вес одного существа? 250 клгр.? Математически вполне правильно. А в помещении, оказывается, бжж и на носу у него — блоха. Вот вам и два существа со средним весом в 250 клгр.

Статистическая буффонада? Пусть так. **Но не сплошная ли буффонада получается в Советском Союзе, когда при обычных исчислениях «в среднем» в делитель, то есть в 210 миллионов населения, входят рядом, в одну группировку, Хрущев и его шофер, Фурцева и старушка колхозница, дети партвельмож и беспризорники?**

Если советская статистика скажет, что в среднем на душу населения в Советском Союзе приходится знное количество сливочного масла, паюсной икры, золотых часов, шерстяных тканей, то все ли эти 210 миллионов душ получают свое «среднее»? Если статистика скажет, что советские дети имеют в среднем столько-то игрушек, шоколада, апельсинов, велосипедов, то значит ли это, что «среднюю величину» имеют беспризорники, дети колхозников, рядовых рабочих и служащих?

Не справедливее ли было бы при исчислениях «в среднем» производить такие группировки, чтобы видны были средние в отдельности по колхозникам, рабочим, мелким служащим, детям этих категорий населения? И отдельно — по верхним слоям советского «бесклассового» общества?

Да, конечно, это было бы правильное, справедливее, но — для коммунистической диктатуры неприемлемо. Она не может допустить, чтобы статистика беспристрастно цифрами выразила тот разительнейший контраст, какой существует в жизненных условиях низших и высших слоев советского общества. Не может разрешить показ колоссального различия их «средних». **Советская статистика обязана не показывать, а скрывать и затушевывать эти различия.**

Попутно может возникнуть вопрос: а разве за границей, хотя бы в США, не пользуется статистика средними величинами? Не служат ли и там эти величины делу околпачивания широких масс так же, как и в Советском Союзе?

Об этом мы поговорим в специальной главе, посвященной «буржуазной» статистике.

ДИНАМИКА С ВАРИАЦИЯМИ

«Все течет — все изменяется»: растет число фабрик и заводов, расширяется посевная площадь, усиливается эксплуатация трудящихся («Выше производительность труда!»), носится с визитами по миру Хрущев, летят в космос ракеты, извиваются у дверей магазинов очереди, — словом, страна движется «к сверкающим вершинам коммунизма».

Советская статистика обязана показывать динамику этого движения, исчислять темпы роста и прироста, выявлять передовиков и отстающих, подкреплять цифрами утверждение вождя о том, что коммунистическая система в нарастающих темпах несется от победы к победе.

Что и как в этих случаях может проделывать статистика, выясним на конкретных примерах.

Допустим, имеются такие данные о выпуске продукции в миллионах рублей заводами А. и Б.

Месяцы	Продукция в млн. рублей	
	А.	Б.
Январь	100	70
Февраль	90	130
Март	90	130
Апрель	120	130
Май	120	50
Июнь	140	150
Итого	660	660

Уже с первого взгляда даже простаку видно, что хотя и общая сумма за полгода — 660 милл. руб., и средне-месячная — 110 милл. руб. — по обоим заводам равны, но на заводе А. выпуск продукции

по месяцам шел ровнее, чем на заводе Б. На последнем, как выражается статистика, размах вариации был крупнее. Исчислим размахи вариации по каждому заводу в отдельности. Делается это обычно так:

Месяцы	Завод А.		Завод Б.	
	Продукция	Отклонение от ср.-мес. (от 110)	Продукция	Отклонение от ср.-мес. от 110)
Январь	100	10	70	40
Февраль	90	20	130	20
Март	90	20	130	20
Апрель	120	10	130	20
Май	120	10	50	60
Июнь	140	30	150	40
Итого	660	100	660	200

Итак: по заводу А. сумма отклонений составляет 100 милл., или в среднем за месяц: $100 \text{ милл.} : 6 \text{ мес.} = 16,7 \text{ милл.}$ (округленно, как и в дальнейшем). В процентах же к средне-месячному выпуску продукции (к 110 милл.) среднее отклонение по заводу А. составит:

$$(16,7 \times 100) : 110 = 15,2\%.$$

И соответственно по заводу Б.:

Среднее отклонение в сумме = $200 \text{ милл.} : 6 \text{ мес.} = 33,3 \text{ милл.}$, а в процентах

$$= (33,3 \times 100) : 110 = 32,7\%.$$

Так мы, значит, выразили цифрами то, что завод Б. работал значительно неравномернее, чем завод А.

Но если статистика имеет задание от «вышестоящих» дать повод обрушиться с цифрами в руках не на завод Б., а на завод А., — она, статистика, имеет ряд способов выполнить задание, оперируя теми же цифрами. В данном случае, например, она может применить укрупнение интервалов: месяцы укрупнить в кварталы. Вот что тогда получится:

Кварталы	Завод А.		Завод Б.	
	Продукция	Откл. от ср.-кварт. (от 330)	Продукция	Откл. от ср.-кварт. (от 330)
Первый (январь, февраль, март)	280	50	330	—
Второй (апрель, май, июнь)	380	50	330	—
Итого	660	100	660	—

Теперь по заводу Б. никаких отклонений по кварталу от средне-квартальной величины нет. Выходит — завод Б. работал отлично.

А по заводу А. средне-квартальное отклонение составляет: $100 : 2 = 50$ милл. руб., или в процентах к средне-квартальной продукции: $(50 \times 100) : 330 = 15,1\%$. т. е. констатируется работа неравномерная (штурмовщина?), что особенно заметно, как контраст, в сравнении с «отличной» работой завода Б.

Особое внимание в советской экономике уделяется повышению темпов роста производительности труда, урожайности, жилищного строительства, производства стали и т. д. В показе этих темпов статистика также имеет возможность производить разные «вариации» даже с одними и теми же цифрами. Вот, например, данные о выпуске продукции в милл. руб. заводом А. по годам:

Г о д ы	Продукция в милл. руб.
1955	10
1956	11
1957	12
1958	13
1959	14

От «вышестоящих» есть задание статистике: показать образцовые, возрастающие темпы работы этого завода. Тогда, на основе вышеприведенных цифр, статистика изобразит работу завода так:

Г о д ы	Темп роста в %/о
1955	—
1956	110
1957	120
1958	130
1959	140

Здесь при исчислении темпа роста за базу, т. е. за 100%, принят 1955 год: к его продукции (к 10 милл.) процентируются все последующие годы.

Опираясь этими данными, вышестоящее «высокое лицо» может сказать: «Видите, какие крупные и притом непрестанно возрастающие темпы роста дает завод А. Руководство его вполне заслуживает награды!».

Но, предположим, руководителей этого завода хотят не похвалить, а, наоборот (по каким-то партийным соображениям), «разнести». Что

тогда сделает статистика? Она темпы роста исчислит по-новому: база будет не постоянная, а переменная, т. е. процентироваться будет 1956 год к 1955, 1957 к 1956, 1958 к 1957 и 1959 к 1958. Исчисляется, значит, темп роста от года к году. И вот что получается:

Г о д ы	Темп роста в % ⁰ / ₀
1955	—
1956	110
1957	109,9
1958	108,3
1959	107,8

Опирируя этими данными, вышестоящее «высокое лицо» может сказать: «Видите, как преступно снижаются из года в год темпы завода А! Необходимо руководство этого завода снять и подвергнуть строжайшему взысканию!»

То, что мы увидели на примере одного завода, творится и во все-союзном масштабе — в самых крупных размерах и сложнейших манипуляциях. Принцип же остается одним: показать стремительное движение вперед коммунистической экономики. Для этого используются все средства, все возможности, вплоть до того, что при исчислении темпов роста берутся за базу для сравнения такие далекие времена, как 1913-1914 годы. Получается изумительно эффективный темп роста по той продукции промышленности, которая полвека тому назад только возникла, находилась в зачаточном состоянии (производство автомобилей, искусственных тканей, фотоаппаратов и т. д.). Но если сравнения с 1913-1914 годами для теперешнего правительства невыгодны, то статистика этих сравнений и не делает (по количеству скота, по урожайности, по обеспеченности населения продуктами питания и товарами ширпотреба).

Попутно — анекдотический случай. Председатель колхоза, отчитываясь на районном собрании, говорит: «Хотя за отчетный год число рабочих лошадей у нас и уменьшилось на 8 голов, но зато можем похвалиться темпом роста жеребят: их число возросло у нас на сто процентов!».

Председатель проценты исчислил правильно, поскольку был один жеребенок, а теперь имеется два. Вот как он «своим умом» дошел до вершин советской статистики. Ценный, талантливый самородок.

ИНДЕКСЫ

Индекс — значит показатель. В статистике индексом называется число, которое выражает изменения, происшедшие с какой либо величиной или рядом величин, за определенное время. Формой выражения индекса является частное от деления величин, причем базисный период принимается за единицу или за сто (индекс в процентах).

Вот, к примеру, в прошлом году десяток яиц стоил 5 руб., а нынче стоит 4 руб. Каков здесь индекс цены? Арифметическое действие простое: $4 \text{ руб.} : 5 \text{ руб.} = 0,8$ (или 80%). Индекс 0,8 (или 80%) показывает снижение цены. Это — индекс индивидуальный, характеризующий изменение только одной величины. Есть также — и они гораздо чаще употребляются — индексы общие (агрегатные), то-есть показывающие одновременное изменение группы даже совершенно разнородных величин. Исчисление индексов при этом математически оформляется разными способами, но в советских условиях избираются те способы, которые дают возможность эффективнее заниматься очковтирательством во исполнение заданий партии.

В соответствии с этим, по форме индексы употребляются средне-математические, средне-гармонические, средне-геометрические, средне-скрещенные и т. д.

По содержанию индексы бывают еще разнообразнее: индексы цен, реального уровня зарплаты, производительности труда, прожиточного минимума и т. д. и т. п.

Углубляться в индексные дебри нам сейчас нет надобности. Выясним только на простеньком примере, какие могут быть разнообразия в этих дебрях. Вот, в прошлом году семья купила 10 метров ткани по 20 руб. и 20 кг. жиров по 40 руб. Нынче куплено той же ткани 40 метров по 40 руб. и 10 кг. жиров по 20 руб. Каково общее изменение цены (общий индекс) по ткани и жирам? Ответить на этот вопрос можно разными способами (арифметическим, геометрическим и т. д.). Возьмем простейший способ — арифметический. Но и он допускает несколько решений:

$$1. (40 \times 40 + 20 \times 10) : (20 \times 10 + 40 \times 20) = 1,8 \text{ (180\%)}$$

то есть нынешняя стоимость ткани и жиров выше прошлогодней на 80 процентов.

$$2. (20 \times 10 + 40 \times 20) : (40 \times 40 + 20 \times 10) = 0,555 \text{ (55,5\%)}$$

то есть прошлогодняя стоимость ниже нынешней на 44,5%.

$$3. (40 \times 40 + 20 \times 10) : (20 \times 40 + 40 \times 10) = 1,5 \text{ (150\%)}$$

цены в сравнении с прошлым годом возрасли на 50%, при условии, что количество ткани и жиров было бы в прошлом году куплено такое же, как ныне: 40 м. ткани и 10 кг. жиров.

$$4. (40 \times 10 + 20 \times 20) : (20 \times 10 + 40 \times 20) = 0,8 \text{ (80\%)}$$

цены в сравнении с прошлым годом снизились на 20%, при условии, что ныне было бы закуплено по-прошлогоднему 10 м. ткани и 20 кг. жиров.

$$5. (20 \times 40 + 40 \times 10) : (40 \times 40 + 20 \times 10) = 0,667 \text{ (66,7\%)}$$

прошлогодние цены были ниже нынешних на 33,3% при нынешнем количестве товаров.

$$6. (20 \times 10 + 40 \times 20) : (40 \times 10 + 20 \times 20) = 1,25 \text{ (125\%)}$$

прошлогодние цены были на 25% выше нынешних при прошлогоднем количестве товаров.

Чего вы теперь хотите? Что вам требуется? Показать снижение цен? Возьмите индекс 4) и 6). Желаете повышения? К вашим услугам индексы 1), 2), 3), 5). По такой же методологии, с прицелом на «чего изволите?», творятся советской статистикой все индексы: и по урожайности (растет неудержимо!), и по производительности труда (колоссальный рост!), и по себестоимости фабричной продукции (великолепно снижается!) и т. д. и т. п.

ТЕОРИЯ ВЕРОЯТНОСТЕЙ

Просто и понятно говоря, теория вероятностей (ее называют также законом больших чисел) представляет из себя **предугадывание тех или иных итогов, результатов, на основе лишь частичных данных и с учетом могущих быть случайностей.**

Конкретная иллюстрация для уразумения сущности этой теории. Вот, в ящике лежат вперемешку 50 белых и 50 черных шариков. Что, если мы наудачу, не глядя, вынем из ящика ну хотя бы 20 шариков — можно ли ожидать, что все они окажутся одного цвета — только белые или только черные? Нет, вероятнее всего, что белых и черных шариков окажется почти поровну, как равное количество их и в ящике. Ну, а если из 100 шариков там будет белых не 50, а только 30, или 20, или 10 — какова тогда будет вероятность выемки их из ящика, если запустим туда руку несколько раз подряд?

Какова вероятность выигрышей в лотереях, вероятность снижения или повышения цен на колхозном базаре, вероятность избрания или провала того или иного кандидата при выборах, вероятность выполнения или срыва хрущевской «семилетки» — все это такие проблемы, итоги разрешения которых можно лишь пытаться предугадать, и это производится на основе теории вероятностей. В любой стране при любых обстоятельствах возможностей для применения теории вероятностей с ее довольно-таки сложными математическими формулами имеется необозримое поле. В экономике, в общественно-политической жизни, в науке, в природе — **всюду очень и очень многое зависит от случайностей, имеет характер только возможности, но не заранее предопределенной обязательности.**

За эти свои свойства теория вероятностей не имеет права на легальное существование в Советском Союзе. **Коммунистические мудрецы говорят: никаких вероятностей, никаких случайностей ни в чем у нас быть не может.** Если выставлен для выборов кандидат — он получит 100% голосов. Если дал Хрущев народу семилетний план — народ должен этот план выполнить. Коммунизм строится так умело, так точно, и все до мелочей так предусматривается, что для теории

вероятностей в этом строительстве нет места. Эта теория неприемлема для ЦК КПСС, поскольку она несомненно будет содействовать росту и укреплению скептицизма в народе в отношении строительства коммунизма.

Неприемлема для коммунистической диктатуры теория вероятностей и потому, что она сокрушительно бьет по основам диалектического и исторического материализма. Одной из основ последнего является, как известно, детерминизм, утверждающий, что ни в природе, ни в общественно-политической жизни, ни вообще где бы то ни было, нет места случайностям. Все обусловлено прочной цепью причин.

Влияя на эти причины или приспособляясь к ним, можно создавать или предвидеть все следствия. И хотя ученые всего свободного мира являются в настоящее время сторонниками индетерминизма, то есть возможности разных случайностей, разных следствий даже при совершенно одинаковых причинах — идеологи коммунизма упрямо держатся за свой старенький, вульгаризированный, антинаучный детерминизм.

Впрочем, чего иного можно ожидать от таких «светил науки», как Хрущев, Микоян, Ворошилов и иже с ними?

ОПРАВА ДЛЯ ОЧКОВ — ДИАГРАММЫ

Тиражирование очков советская статистика производит не только публикацией своих филькиных грамот в виде сводок и таблиц, и не только также вкрапливанием своих цифр в статьи в печати, в доклады на собраниях, в радиопередачи. Она, статистика, оформляет свои материалы также и графически в виде различных диаграмм.

Диаграммы бывают всевозможных видов: линейные, столбиковые, треугольные, квадратные, круговые, секторные, рисуночные, даже пространственные — трехмерные.

Чтобы показать разницу между сравниваемыми величинами ярче, резче, или, наоборот, чтобы смягчить, сделать не очень заметной эту разницу, советская статистика в каждом отдельном случае пользуется соответствующими видами диаграмм. Учитывается, на каком фоне их подать, в каких красках, в каких формах и масштабах.

Все это есть выполнение и развитие ленинских заветов. Еще в 1918 году в работе «Очередные задачи советской власти» Ленин требовал «нести статистику в массы, популяризировать ее». В 1919 году за подписью Ленина было вынесено особое «Постановление Совета Народных Комиссаров», которое обязывало ЦСУ организовывать на площадях, в театрах, вообще во всех местах сосредоточения населения витрины с периодически меняющимися показателями о деятельности советских учреждений и статистическими данными по социально-экономическим вопросам в форме диаграмм, картограмм, картин, плакатов и т. п. статистического характера.

Сам Ленин в своей работе «Шаг вперед, два шага назад» применил графический способ наглядного отображения борьбы между различными направлениями на втором съезде РСДРП (российская социал-демократическая рабочая партия). Он изобразил итоги голосований в виде диаграммы. Изобразил примитивно, кустарно. **Теперь графический способ изображения статистических данных — эта оправа для очковтирательских цифр — разработан до мельчайших деталей, превращен в своего рода науку и искусство.**

«Ленин умер, но дело его живет».

А КАК ЗАГРАНИЦЕЙ?

Да, в самом деле — а как действует статистика в некоммунистических странах? Пользуется ли она сплошными и выборочными обследованиями, исчисляет ли средние величины, проценты, индексы, применяет ли разные экстраполяции-корреляции, составляет ли диаграммы?

Ответ на все эти вопросы короткий и прямой — **ДА. Статистика была, есть и будет во всем мире**, и повсюду математические способы обработки материалов у нее почти одинаковы. Но...

Однако, прежде чем приступить к «но», поставим такой нестатистический вопрос:

Полезная или вредная вещь очки? Ответ как будто ясен — конечно, полезны. Они людям со слабым зрением дают возможность лучше видеть. Пусть так, согласимся с этим. Ну, а если очки подобраны не по глазам? Или человек и без очков видит прекрасно, а его все же заставляют их носить? Что в таких случаях дадут очки? Вред, конечно. До слепоты довести могут.

А теперь продолжим наш разговор по статистике. Мы остановились на «но». Детализируем это «но»:

1) В Советском Союзе «статистика есть наука партийная и служит делу построения коммунистического общества». **В некоммунистических же странах — статистика наука беспартийная** и что либо строить совершенно не обязана. Каждый здравомыслящий человек должен понять, что это значит и как в связи с этим должна действовать статистика там и тут.

2) Советская статистика собирает материалы для того, чтобы, согласно воле Ленина, подкреплять, иллюстрировать готовые выводы и положения коммунистического руководства, то-есть она обязана изыскивать такие цифры, которые доказывали бы, что ЦК КПСС прав — Советский Союз стремительно обгоняет все капиталистические страны и семимильными шагами несется в царство коммунизма.

Свободная же статистика некоммунистических стран поступает совершенно наоборот: она **собирает материалы не к готовым выводам**,

а для того, чтобы, на основе собранных материалов и анализа их, сделать выводы. Приятны будут для кого-то эти выводы или неприятны — статистике безразлично. Она считает своим долгом быть беспристрастной.

3) Применяя методы экстраполяции, корреляции и т. д., вплоть до «потоляции», советская статистика преследует при этом одну цель: сильнее угодить партийному начальству и покрепче втереть очки людям, несведущим в статистике. Широким массам внушается, что советские статистические данные — это данные чрезвычайно точные, фактические, неопровержимые. Все исчисляется с точностью до сотых долей процента. И только в условиях коммунистического планового хозяйства возможна такая изумительная, безошибочная точность.

Свободная же статистика, производя все свои исчисления во всяком случае с меньшей точностью, чем советская, однако не утверждает, что все ее данные совершенно точны. Свободная беспартийная статистика не находит нужным скрывать правду и даже предупреждает, что ее цифры в ряде случаев лишь приблизительны. Сравнение коммунистической и беспартийной статистики можно продолжать, как говорится, без конца. Но есть ли в этом надобность? Уж одно то, что одна статистика — партийная, а другая — беспартийная, объясняет все.

СОЗНАЮТ ЛИ, ЧТО ТВОРЯТ?

Шулерничая, извращая цифры, хватая их с потолка, высасывая из пальца, работники советской статистики, конечно, сознают, что творят они темные, нехорошие дела. Но плодов этого «сознания» нет никаких. **Крупные «генералы от статистики» на этих темных махинациях делают себе карьеру, получают великолепные ставки и прочие блага жизни.**

Мелкие статистические сошки трудятся, как говорится, за кусок хлеба. Жить как-то надо. **Выполняют то, что им приказывают.**

Правда, **были времена, когда статистика пробовала бороться за правду, за честное отношение к цифрам.** Так, в 1925 году ЦСУ составило хлебо-фуражный баланс, в котором показало истинное, далеко не завидное, положение с хлебом в стране. Показало не так, как нужно было коммунистическому руководству. Понятно, баланс был уничтожен, а составители его отправлены в ссылку, как самые злостные «вредители».

В 1927 году ЦСУ опубликовало сборник «Итоги десятилетия Советской власти, 1917-1927 г. г.». Он вызвал целую бурю в партийных верхах. О нем подняли вопрос даже на 15-ом съезде партии и разнесли его в пух и прах. Особую ярость вызвала табличка «Баланс аграрной реформы». Из нее следовало, что крестьяне за десять лет советской власти, то-есть с 1917 по 1927 год, увеличили свое землепользование лишь на 31 процент. К тому же в табличке крестьяне не были разбиты на бедняков, середняков и кулаков. **Скромная, честная табличка была вождями партии признана злостным искажением действительности, вылазкою классовых врагов, гнусным вредительством.** В результате, конечно, не стало ни юбилейного сборника ни его составителей.

Производились разгромы статистического аппарата и в дальнейшие годы: в 1930 г. — за «вольномудство и статистические ереси», в 1934 г. за якобы умышленно неправильный подсчет скота, в 1939 г. за «вредительство» при Всесоюзной переписи населения.

Так статистический аппарат в течение ряда лет был просеян сверху донизу, очищен от всех нежелательных коммунистическому режиму и укомплектован работниками сговорчивыми, покорными.

«Просеивания» и чистки аппарата, само собой разумеется, дают комруководству значительные результаты. Однако, нет сомнения, что среди советских статистиков не только на низах, но и на высших ступенях, есть все же немало людей честных, в душе преданных народу, но не антинародному ЦК КПСС.

Но — что им делать? Зная советскую действительность, не будем требовать от статистиков проявления героизма. Люди — всюду есть люди, а не когорта сплошных героев.

Да и разве одни только статистики пребывают в таком рабстве и на такой «жульнической работе?

А ТЕПЕРЬ — ВЗГЛЯНЕМ...

Вот именно: теперь, имея некоторое представление об основах и методологии советской статистики, посмотрим на какой либо из ее материалов последнего времени. Вот, в центральных советских газетах 16 апреля этого года было опубликовано **«Сообщение центрального статистического управления при Совете Министров СССР об итогах выполнения государственного плана промышленности СССР в 1 квартале 1960 года».**

Напечатаны две таблицы: одна — небольшая — о выполнении плана по отдельным отраслям промышленности, и вторая — значительно большая — о выполнении плана по важнейшим видам промышленной продукции (детализация первой таблицы).

Перед таблицами сказано: «Работники промышленности на основе развернувшегося социалистического соревнования за досрочное выполнение плана второго года семилетки успешно выполнили план 1 квартала 1960 года. План выпуска валовой продукции промышленности СССР в 1 квартале 1960 года выполнен на 104 процента. По сравнению с 1 кварталом 1959 года объем промышленного производства возрос на 11 процентов. Промышленность всех союзных республик выполнила квартальный план по валовой продукции и по большинству важнейших видов продукции».

После таблиц идет что-то вроде пояснений к цифрам, хотя пояснения эти ничего нового не дают. Только в самом конце этих пояснений есть существенное:

«План повышения производительности труда в промышленности в 1 квартале 1960 года выполнен на 102 процента. Производительность труда в промышленности возросла по сравнению с 1 кварталом прошлого года на 7 процентов (при сокращении продолжительности рабочего дня в ряде отраслей промышленности)».

Взглянем на первую — основную — из опубликованных таблиц. Вот она:

Рост валовой продукции по отдельным отраслям промышленности

Валовая продукция 1 кв. 1960 г.
в процентах к 1 кв. 1959 г.

Черная и цветная металлургия	111
Топливная и энергетическая промышленность	110
Машиностроение и металлообработка	116
Химическая и резиновая промышленность	111
Промышленность строительных материалов	121
Лесная, бумажная и деревообработ. промышл.	107
Легкая промышленность	110
Пищевая промышленность	106

Какие мысли общего характера должны возникнуть при взгляде на эту таблицу?

1) Итоги выполнения плана за январь-февраль-март 1960 года были опубликованы в советских газетах уже 16 апреля. Учтем, что требовалось какое-то время по окончании квартала на составление статистических отчетов на местах, время на отсылку этих отчетов в областные, краевые и республиканские центры, время на обработку их в этих центрах, время на обработку Центральным Статистическим Управлением, время на согласование полученных итогов с ЦК КПСС, время на подготовку к печати. В общем, скоро сказка говорится, да не скоро дело делается. И если уже 16 апреля итоги выполнения плана по всем отраслям промышленности за 1 квартал 1960 года оказались напечатанными, то ясно, что дело никак не обошлось без экстраполяций-потолчений.

2) План в целом, как говорится в предисловии к таблице, выполнен на 104 процента, но выполнение плана по отдельным отраслям промышленности не дается. Вместо этого, приводится сравнение с 1 кварталом прошлого года. Почему так сделано? Да потому, что надо было скрыть недовыполнение плана некоторыми отраслями промышленности. Выгоднее оказалось объединить их воедино и вывести среднюю цифру — 104 процента (вспомним среднюю веса быка и блохи).

Но даже в этой подгримированной таблице выглядывают болячки. **Нужнейшая отрасль промышленности — пищевая — дала, по сравнению с прошлым годом, самый малый рост (106 процентов).** Да и всей легкой промышленности, несмотря на то, что в ней смешаны в одну кучу носовые платки и мотоциклы, пуговицы и фотоаппараты, сапожные гвозди и телевизоры, все же крупных успехов не видно (110 процентов). Она, значит, **попрежнему у ЦК КПСС не в почете.**

3) Никак не может привести в восторг и вторая таблица — произ-

водство важнейших видов промышленной продукции в 1 квартале 1960 года. Цифры в таблице стоят огромные, но, ведь, еще огромнее страна и количество ее населения. К тому же в примечаниях к таблице не сказано, **какая часть этих цифр пойдет в Китай, в Индию, Индонезию, Африку, южную Америку и т. д. в порядке «братской помощи», льготного кредитования** (с возвратом «на том свете угольками»), **или просто в порядке продажи по бросовым ценам**, чтобы всех удивить: как много в Советском Союзе товаров и как они дешевы!

4) Но предположим даже, что все, вырабатываемое для повседневных нужд народа, в своей стране и остается. По методу советской статистики, объединим для исчислений всех и вся (колхозников и партвельмож, рабочих и балерин, беспризорников и писателей и т. д.) в одну равноснабжаемую семью — в 200 миллионов населения. Допустим, что каждая «душа» из этих 200 миллионов получила свою среднюю долю точно, как в аптеке. Исчислим, что это составляет хотя бы по таким предметам первой необходимости:

ТКАНИ ХЛОПЧАТО-БУМАЖНЫЕ. Выработано за квартал 1 миллиард 200 миллионов квадратных метров. Делим их на 200 миллионов населения. На одного человека приходится, стало-быть, 6 квадратных метров. Цифра словно бы и неплохая, но — **а какой лоскут из этих шести метров действительно достанется какой либо солдатской вдове с кучей детворы?**

ОБУВЬ КОЖАНАЯ. Изготовлено 106 миллионов пар. Сапоги ли это, или лакированные туфельки, или сандалеты — неважно. Важнее то, что **на душу населения приходится полпары.** Вторую половину авось выработают в следующем квартале.

МЫЛО. На 200 миллионов населения — 384 тысячи тонн. Значит, около двух килограммов на месяц на одного человека. Это — и на ежедневное умывание, и на стирку белья, и на баню и т. п. Хватит? Должно хватить. Спасибо, что хоть столько есть. Как сказал бы Зощенко — можно и не каждый день морду мыть.

МЯСО. Из государственных ресурсов поступило населению, как уверяет статистика, 630 тысяч тонн, то-есть **35 граммов в день на человека.** Изрядный кусище. Достижение. Тут ничего плохого не скажешь.

МАСЛО. Это — то самое, по которому еще в прошлом году обогнали Америку. Нынче за квартал государство дало (продало) населению 91 тысячу тонн. Это — **четыре с половиной грамма на человека в день.** Сколько население прикупает масла еще на колхозном рынке и вообще помимо государственных магазинов — неведомо. Однако, применяя метод потолкации, советская статистика уверяет, что советские граждане имеют масла гораздо больше, чем американцы.

МОЛОКО. Тоже продукция, по которой Америка уже позади. Государство вылило населению за квартал 1 миллион 600 тысяч тонн молока. Значит — **в день на человека 90 граммов.** Изрядная доза. Коммунистическая. Сколько к ней добавляется молока, покупаемого не от государства, а на стороне — тоже неизвестно, но, как и в отношении масла, советская статистика утверждает, что молоком советские граждане обеспечены так, как еще нигде в мире.

Не будем продолжать разбор таблицы. **В ней все цифры, даже раздутые как пузыри, все же оказываются жалкими и крохотными при внимательном рассмотрении их.**

Жалко выглядят они на бумаге, но еще жалче в действительности. Сами советские газеты не в состоянии скрыть факт, что в стране повсюду чувствуется острый недостаток многих нужнейших товаров, и что увеличение количества их идет черепашьим шагом. **Статистика — это дело одно, а жизнь — это дело другое.**

Почему так получается? Да только потому, что советская статистика не выявляет подлинное положение в стране, а — иллюстрирует цифрами те «великие достижения» коммунистической системы, каких нет и быть не может.

Советская статистика — это орган очковтирания антинародной коммунистической диктатуры.

Некоторые сравнительные данные по СССР и США

(в связи с «догнать и перегнать!»)

Виды продукции	Уровень в СССР в 1959	Когда этот уровень уже имелся в США
Сталь	66 милл. тонн	в 1940 году
Нефть	142,7 милл. тонн	в 1929 году
Электроэнергия	264 млрд. к-в часов	в 1943 году
Грузовики и автобусы	370.500 штук	в 1923 году
Легковые машины	124.500 штук	в 1910 году
Обувь	389 милл. пар	в 1936 году
Радиоприемники	4 милл. штук	в 1929 году
Телевизоры	1,3 милл. штук	в 1949 году
Холодильники	426 тыс. штук	в 1928 году
Мясо	9,5 милл. тонн	в 1907 году

Примечание. Специалисты утверждают, что Советский Союз в экономическом отношении отстал от США примерно лет на тридцать. Отставание Советского Союза с каждым годом если и уменьшается, то в слабой степени. Темпы роста промышленности в Советском Союзе хотя и выше американских, но в абсолютных цифрах первенство остается за США. К примеру, с 1950 по 1959 год в Советском Союзе промышленная продукция возросла на 100%, а в США за это же время только на 70%. Но в абсолютных цифрах прирост продукции в СССР составляет 100 миллиардов долларов, а в США — 199 миллиардов долларов.

Небезынтересны и такие данные:

Рабочая сила в милл. человек	СССР	США
Общее количество рабочей силы		
на фабриках и заводах	109,6	72,3
Из них:	20	17,6
на разном производстве	32	46,4
в сельском хозяйстве	52	5,8
в войсках	3,6	2,5

Примечание. 20 миллионов советских рабочих, работающих на фабриках и заводах, производят разнообразных товаров неизмеримо

меньше, чем 17,6 милл. американских рабочих. В СССР для производства значительно меньшего количества продуктов, чем в США, рабочей силы используется почти в десять раз больше. Необходимо при этом отметить, что **советские рабочие и колхозники трудятся гораздо напряженнее, чем американцы.**

Отчего же итоги труда разные? На это легко ответит любой нормально мыслящий человек: **разная государственная система — разные и результаты.**

Издательство: Z O P E

**München 19, Renatastraße 77
Deutschland — Germany**